DOI: 10.19181/smtp.2026.8.2.1

EDN: GXJBMS

Научная статья

Research article

НАУКА – ИДЕОЛОГЕМА И/ИЛИ ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ДИЛЕММЫ ХРУЩЁВСКОЙ ЭПОХИ

Водичев Евгений Григорьевич[1,2]

[1] Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Для цитирования: *Водичев Е. Г.* Наука – идеологема и/или драйвер экономического развития: дилеммы хрущёвской эпохи // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 17–30. DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.1. EDN GXJBMS.

Аннотация. В центре внимания статьи – проблема дихотомии феномена науки как идеологемы коммунистической доктрины в Советском Союзе в конце 1950-х – начале 1960-х гг., воплощённой в ключевых стратегических документах эпохи, и драйвера экономического развития. Акцентируется роль мифологем, касающихся науки и техники, в политике Н. С. Хрущёва. Обращено внимание на преемственность стратегий построения коммунизма с опорой на научно-технические факторы в рассматриваемый хронологический период и в эпоху сталинизма. Отмечены изменения в понимании баланса науки и техники в постулированных стратегиях, вызванные, главным образом, контекстуальными трансформациями. Подчёркнуто, что советская рефлексия глобальных трендов общественного развития и места и роли науки в этом процессе, воплощённая в «теории научно-технической революции», носила ограниченный характер из-за вторичности этого концепта по отношению к базовым коммунистическим идеологемам. В экономической и научно-технической практике постулирование тезиса об опоре на достижения современной науки, за некоторым исключением индустрий военно-промышленного комплекса, оставалось лишь теорией, поскольку не было согласовано с существовавшей экономической моделью. Попытки частичных реформ в экономике и науке, направленные на ускорение роста и повышение эффективности экономического развития на основе использования отечественных научно-технологических разработок, не привели к желаемому результату из-за отторжения инноваций в гражданском секторе экономики. Отношение лидера страны к науке было крайне амбивалентным, поскольку отдавался приоритет узко понимаемым прикладным исследованиям. Неоправданный оптимизм в позиционировании науки, разрушение мифа о её «всемогуществе» и невосприимчивость экономики к «достижениям НТР» приводили к постепенному

© Водичев Е. Г., 2026

снижению имиджа науки в обществе и как вида деятельности, и как инструмента развития. Совокупность негативных процессов, связанных с неэффективным использованием научно-технического потенциала, вызвала нарастание кризиса и в экономике, и в самой науке, который в последующие десятилетия приобрёл системный характер.

Ключевые слова: Н. С. Хрущёв, «хрущёвское десятилетие», социально-экономические стратегии, наука, научно-техническая политика, популизм, мифологемы, идеологемы

SCIENCE AS AN IDEOLOGY AND/OR DRIVER OF ECONOMIC DEVELOPMENT: THE DILEMMAS OF THE KHRUSHCHEV ERA

Evgeny G. Vodichev[1,2]

[1] Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
[2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

For citation: Vodichev E. G. Science as an ideology and/or driver of economic development: The dilemmas of the Khrushchev era. *Science Management: Theory and Practice.* 2026;8(2):17–30. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.1.

Abstract. The article focuses on the dichotomy of the phenomenon of science as an ideological concept of the communist doctrine in the Soviet Union in the late 1950s and early 1960s, which was embodied in the key strategic documents of the era, and as a driver of economic development. The article highlights the role of science and technology myths in Nikita Khrushchev's populist policies. It also examines the continuity of strategies for building communism based on science and technology during this period and during the Stalinist age. The author notes some changes in the understanding of the balance of science and technology factors in the postulated strategies, which were mainly caused by contextual transformations. It is emphasized that the Soviet reflection on global trends in social development and the place and role of science in this process, embodied in the "theory of the scientific and technological revolution", was limited due to the secondary nature of this concept in relation to the basic communist ideologemes. In economic and scientific and technical practice, the postulation of the thesis of relying on the achievements of modern science, with some exceptions for sectors of the military-industrial complex, remained a theory, as it was not consistent with the existing economic model. Attempts at partial reforms in the economy and science aimed at accelerating growth and improving the efficiency of economic development based on the use of national scientific and technological developments did not lead to the desired results due to the rejection of innovations in the civilian sector of the economy. The country's leader's attitude towards science was highly ambivalent, as he prioritized narrowly defined applied research. Unjustified optimism in the positioning of science, the destruction of the myth of its "omnipotence" and the insensitivity of the economy to the "achievements of the scientific and technical revolution" led to a gradual decline in the public perception of science as both an activity and a development institution. A combination of negative processes related to the inefficient use of scientific and technological potential led to an escalation of the crisis in both the economy and science, which became systemic in the subsequent decades.

Keywords: N. S. Khrushchev, "Khrushchev decade", socioeconomic strategies, science, science and technology policy, populism, mythologemes, ideologemes

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

«Хрущёвское десятилетие» – один из самых динамичных, наполненных событиями, но и противоречивых периодов советской истории. Космос, ракеты, ядерная физика, атомная энергетика, электроника вошли в набор символов этой эпохи. Одновременно именно при Н. С. Хрущёве была предпринята попытка пересмотра экономической политики на основе принципа радикального ускорения НТП. В годы «оттепели» происходила либерализация политического режима, менялась система согласования интересов ключевых экономических акторов, как отраслевых, так и региональных, воплощая в себе обновлённый механизм «бюрократического торга» и поиска компромисса.

Хрущёвские эксперименты в управлении экономикой и наукой не меняли принципиальных основ социально-экономической платформы режима и парадигмы развития. По крайней мере, стратегическое планирование демонстрировало высочайшую степень преемственности целевых установок с предшествующей эпохой. Главной целью оставалось создание материально-технической базы коммунизма. Сохранялась и глубочайшая индоктринация общества, и акценты на широкое использование методов административного давления и принуждения. За исключением отказа от прямых репрессий в этом смысле не произошло каких-либо существенных изменений со времён индустриализации (см. подробнее: [1; 2]). С институциональной точки зрения хрущёвские эксперименты стали транзитным пунктом на пути от сталинского культа личности к брежневскому «культу системы», интересы которого выражала номенклатура. Но в результате отсутствия у власти стабильно работающих институциональных правил и механизмов существенно повысился уровень конфликтности среди бюрократических элит, который в конечном итоге был нивелирован лишь на основе острого желания восстановить разумный механизм баланса интересов. Это отражалось на всех аспектах и сферах жизнедеятельности общества, в т. ч. и на науке как идеологическом маркере и как институте. Соответственно, цель данного текста заключается в том, чтобы уточнить роль и значение клише о «всемогуществе науки» в идеологическом арсенале времён Хрущёва, а также зафиксировать место науки как ключевого фактора экономического развития.

НАУКА В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Как известно, советский режим опирался на идеологическую платформу, которая презентовала себя «единственно верной» теорией, опирающейся на науку. При этом, однако, она не признавалась универсальной ценностью. В системе идеологем господствовал слоган «Наука на службу пролетариату!», впоследствии заменённый лозунгом «Цель науки – служение обществу». Совокупность идеологических, политических и экономических императивов выступала в качестве критериев «необходимости» или «полезности» отдельных областей знания, которые формировали приоритеты политики в сфере науки. Всё это оформило господствовавший в советскую эпоху утилитарный и инструментальный подход к науке. «Полезность» научных исследований оценивалась применительно

к актуальным задачам времени так, как они понимались властью, и весьма часто определялась конъюнктурой момента, а не логикой научного поиска. В практическом смысле это означало перенос акцентов на прикладные НИОКР при недостатке внимания к фундаментальным и теоретическим исследованиям, а также было чревато некомпетентным вторжением извне в структуру научного знания. В совокупности всё это сформировало феномен идеологизированной науки. Он стал неотъемлемой частью советских модернизационных теорий в первой половине прошлого века, воплотившихся в социально-экономических стратегиях и практической политике. Модернизационная доктрина определила и контуры политики в отношении науки, в которых были зафиксированы ключевые принципы и рамки научно-технической деятельности, реализованные, в частности, в системе организации и управления наукой. Также была зафиксирована жёсткая связь между наукой и идеологией.

Вербализация идеологических установок в отношении науки в разные периоды советской истории имела определённые вариации. В эпоху сталинизма политика в научной сфере определялась стратегиями форсированной индустриализации в условиях тоталитарного государства. Однако акценты расставлялись не столько на науке, сколько на технике и технологиях. В условиях трансформаций послевоенных лет с одной стороны и либерализации режима при Хрущёве с другой идеология оставалась мощнейшим инструментом практической и публичной политики. Социально-экономическую и научно-техническую политику этого времени также невозможно интерпретировать в отрыве от идеологии. Что же касается изменения атмосферы в обществе, то «на смену сталинской слепой идейности» пришла «восторженно-романтическая идейность»[1]. Наука как идеологема хорошо вписывалась в такой контекст.

ХРУЩЁВСКИЙ ПОПУЛИЗМ И МИФОЛОГИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Презентация политики, в т. ч. и экономической, в годы «славного десятилетия» происходила с широким использованием инструментов популизма. Хрущёв постоянно прибегал к сомнительной, но находившей быстрый отклик у общества аргументации своей политической линии и практических действий. Политические устремления лидера партии и государства вообще и экономические стратегии и политика в сфере науки в частности выражались через совокупность деклараций, зачастую эмоционально озвучиваемых им самим, которые имели явно мифологический характер и были рассчитаны на массовое потребление. Данная черта, в принципе, вполне типична для любого популиста. Но в советской истории такими качествами выделялся именно Хрущёв, склонный апеллировать к широким массам при помощи простых смысловых конструктов с обещаниями скорейшего решения наиболее острых проблем в обозримое время. На протяжении всех лет его пребывания у власти подобная политика выступала в качестве мощного инструмента разогрева социального

[1] *Гурина М.* Мифологемы шестидесятничества // Независимая газета : [сайт]. 2000. 11 октября. URL: https://ng.ru/style/2000-10-11/16_mifo.html (дата обращения: 08.12.2025).

энтузиазма, но была чревата и большими рисками, которые вполне оправдались в реальности.

Особенностью любой идеологии является конструирование системы символов и их мифологизация, а семантическим выражением идеологии является совокупность идеологем. Именно с помощью мифов индоктринация общественного сознания осуществляется наиболее эффективно: обществом обычно манипулируют посредством идеологем, в основе которых, как правило, лежат мифологические конструкты. Мифы позволяют интерпретировать действительность в нужном для политиков направлении и способствуют интеграции общества вокруг целей развития и его мобилизации для достижения таких целей, даже если они принципиально недостижимы.

Мифологемы всегда догматичны, а зачастую алогичны, и в этом смысле природа идеологем противоположна науке. Более того, мифологемы должны оставаться принципиально неверифицируемыми. Ошибкой является попытка облечь идеологемы в конкретные формулы, которые могут иметь количественное или темпоральное измерение. Но именно так и произошло при Хрущёве, когда идеологемы приобрели функцию политического инструмента. Как отметила О. Эдельман, «советская мифология родилась в сложном взаимодействии пропаганды и воспринимающей её аудитории, взаимно друг друга отражавших и живших в мире традиционных коллективных бессознательных представлений»[2]. Однако политический миф всегда эродирует, как только общество ставит его под сомнение, а вслед за этим обычно разрушается и вся система идеологем, что приводит и к политическому краху её выразителей.

Возникает вопрос: какое отношение все эти рассуждения имеют к социально-экономической политике «хрущёвского десятилетия» и к постулированной роли науки в её реализации? На наш взгляд, самое непосредственное. Рассмотрение экономической политики Хрущёва через призму идеологем является важным шагом на пути к осмыслению того, почему ему так и не удалось пройти между Сциллой декларированных стратегических установок и Харибдой социально-экономических реалий, и идеологемы, касающиеся науки, ему в этом нисколько не помогли. Наука стала при Хрущёве одним из маркеров идеологии, важнейшим элементом идеологического арсенала власти, которому был придан мифологический характер.

Но реальность такова, что наряду с выдвижением идеологем перед властью всегда стоят и задачи повседневной практической политики. При Хрущёве во многих случаях решение рутинных социально-экономических задач входило в противоречие или даже в конфликт с идеологическими постулатами, имевшими мифологический характер. Императивы объективной реальности зачастую определяли необходимость действий, не укладывавшихся в русло декларированных идеологем. В этом случае также возникала задача найти им идеологическое обоснование, но зачастую это делалось уже апостериорно и недостаточно эффективно. Отсюда постоянно тлеющая в советском обществе напряжённость между «практиками» и «идеологами», охватывавшая самые различные сферы социальной деятельности, включая науку. Отсюда же системные расхождения

[2] *Эдельман О.* Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. № 5. С. 52–65. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_15.htm (дата обращения: 08.12.2025).

между стратегическими планами, построенными в основном на базе догматов, и решением актуальных краткосрочных задач. И отсюда же неэффективность советского долгосрочного и среднесрочного, в т. ч. и пятилетнего, планирования в экономике и науке и широкое использование целевых подходов, позволявших в советской практике прибегать к мобилизационной модели для решения масштабных экономических и военно-стратегических задач.

НАУКА И НТР КАК ИДЕОЛОГЕМЫ В СТРАТЕГИИ ХРУЩЁВА

«*Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!*» В этом лозунге Третьей программы КПСС отражена основополагающая идеологема хрущёвского времени [3]. Лидер страны пытался представить коммунистическую перспективу как реальную, осязаемую задачу совсем недалёкого будущего. Этот лозунг обладал огромным потенциалом манипулирования и использовался для формирования общественного сознания, выступая в качестве инструмента идеологических спекуляций. Хаотичная смена приоритетов в экономике и науке, становившихся «идеологемами второго уровня» и не нарушавших рамок базовой доктрины, стала основной чертой хрущёвского времени.

Третья программа КПСС содержала определение коммунизма, которое, однако, имело чрезмерно «заумный», описательный и размытый характер. В ходе обсуждения проекта программы неоднократно звучали голоса в пользу того, что в ней необходимо артикулировать особую роль современной техники и технологий, а также науки в целом[3], что в конечном итоге и произошло. Во главу угла была поставлена развитая экономика, способная обеспечить изобилие, а наука и базирующиеся на её успехах передовые технологии рассматривались в качестве основных инструментов достижения цели. В духе времени речь шла о комплексной механизации и автоматизации, широком использовании продукции химической промышленности и новых материалов, существенном ускорении машиностроения, топливной и металлургической промышленности, развитии транспортных систем и новых видов транспорта. Предполагалось достичь значительного превосходства СССР в производительности труда. Тезис о «передовой советской науке» вошёл в число базовых идеологем, отражавших суть приоритетов экономической политики хрущёвской администрации.

Программа КПСС в её экономической части, а также связанные с ней документы долгосрочного и среднесрочного планирования – Генеральная перспектива развития народного хозяйства на период по 1980 г. и контрольные цифры семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1959–1965 гг.), пожалуй, в максимальной степени отразили «вторжение» идеологии в планирование, трансформировав экономические проектировки в средство пропаганды. Одновременно это сформировало принципиальный конфликт между стратегией и тактикой в экономической и научно-технической политике, между долгосрочным планированием (при крайне невнятных и необоснованных допущениях) и решением актуальных задач, исходя из практических потребностей и вызовов. Это противоречие при Хрущёве оставалось неразрешимым.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 66. Л. 13, 21.

Важнейший блок идеологем, влиявших на формирование экономической политики во времена Хрущёва, был связан с наукой. На рубеже 1950-х – 1960-х гг. наука оказалась едва ли не самым подходящим объектом для мифологизации и формирования представлений о её неограниченных возможностях. На этом фоне произошла беспримерная идеологизация самого феномена науки и её роли в стратегии социально-экономического развития страны. Для повышения статуса науки при формировании экономической политики имелись вполне очевидные объективные обоснования: к середине 1950-х гг. ресурс для «технологических инъекций» в экономику, основанный на репарациях и вывозе в СССР документации и производств из побеждённых стран, который играл важнейшую роль в экономическом развитии в послевоенные годы, оказался практически исчерпанным.

Решения требовалось искать в отечественной науке, тем более что рубеж 1950-х – 1960-х гг. вынес на поверхность множество ярких технико-технологических достижений. Для власти, официальной пропаганды, а также для экономических лидеров они были ближе к реальности и понятнее, чем результаты собственно научных исследований, однако приходило осознание, что без науки здесь не обошлось. Первый искусственный спутник Земли, полёт человека в космос и т. п. стали символами отечественного НТП, сразу же приобретшими отчётливую идеологическую окраску. В особенности это касалось космоса. Космическая риторика часто присутствовала в речах самого Хрущёва. Например, говоря о программе компартии, он сравнивал три её редакции «с трёхступенчатой ракетой»: «Первая ступень вырвала нашу страну из капиталистического мира, вторая – подняла её к социализму, а третья – призвана вывести на орбиту коммунизма»[4].

В этом же ряду оказалось всё, что относилось к «большой науке», прежде всего, естественно, к физике. Идеология постулировала, что в новых условиях коммунистическая перспектива должна быть построена на базе точных знаний. Например, в тесной связи с мифом о космосе появилась и стала продвигаться идеологема о «мирном атоме». В целом, в обществе утверждалась мифологема о всемогуществе науки на пути экономического и социального прогресса.

Под это была подведена и соответствующая теоретическая основа. НТП и тезис об использовании достижений науки в общественном производстве занимали особое место в экономической доктрине Хрущёва. Декларация о роли науки в строительстве коммунизма нашла своё отражение в программе КПСС, а развитие теоретических исследований было даже отнесено к «наиболее важным задачам». При этом всячески подчёркивалось, что фундаментальные исследования должны быть ориентированы на практику, поскольку «высокий уровень развития **математики, физики, химии, биологии** – необходимое условие подъёма и эффективности технических, медицинских, сельскохозяйственных и других наук»[5] (выделено в источнике. – *Е. В.*).

---

[4] О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад товарища Н. С. Хрущёва // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчёт : [в 3 т.]. М. : Политиздат, 1962. Т. I. С. 161.

[5] Программа Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчёт : [в 3 т.]. М. : Политиздат, 1962. Т. III. С. 322.

Общество в целом весьма позитивно восприняло миф о безграничных возможностях науки. Фактически продвигался культ науки как основы для построения социальной утопии, базирующейся на научных знаниях. Представители интеллектуального сообщества против этого, как минимум, не возражали. Широко распространилось всеобщее увлечение математикой как «философией естествознания» и основой рационального мышления. При этом в условиях «оттепели» настроения в обществе формировали своего рода амальгаму, включавшую не только некритическую оценку возможностей науки, но и социальное фрондёрство, и утопические представления о перспективах страны.

Попытка осмыслить глобальные тренды перехода к постиндустриальной экономике была предпринята в теории научно-технической революции – советской контртезе западной концепции постиндустриального общества, также ставшей очередной идеологемой. Она определяла пути и способы вхождения СССР в современное цивилизационное пространство и, как представляется, сыграла весьма негативную роль в экономическом развитии страны (см. подробнее: [4, с. 120, 121, 128; 1]). Концепция НТР имела технократический характер и исключала какие-либо изменения в общественном устройстве, в социальных институтах советского общества и в административно-управляемой экономике. В некотором смысле она несла на себе отпечаток «подгонки советских реалий под результат». Однако в краткосрочной перспективе наука, опираясь на этот концепт, фиксировала своё положение в системе приоритетов власти. Отныне сторонники опоры на науку могли прибегнуть к новому теоретическому обоснованию её роли в общественном развитии, обозначенной в коммунистической доктрине. Был декларирован курс на технологическое обновление производства и повышение его эффективности на основе кардинального ускорения НТП. Наука окончательно укрепилась в системе идеологических атрибутов власти, но в практическом смысле оставаясь в тенетах экономической политики.

Конечно, сам Хрущёв вряд ли вникал в нюансы теоретических изысканий о роли науки. Его отношение к определённым отраслям знания и научным институциям, да и к науке в целом оставалось весьма неоднозначным, иногда крайне противоречивым. Например, в одной фразе Хрущёв мог заявить: «Надо, товарищи, на науку обратить внимание. Она у нас хорошо развита, но там, знаете ли, целина. Мы ещё не подошли к ней по-настоящему»[6]. И такая амбивалентность сохранялась на протяжении всех лет его пребывания у власти, отражаясь и на научно-технической политике.

НАУКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ХРУЩЁВЕ

В семилетнем плане на 1959–1965 гг. наука рассматривалась как часть единого научно-производственного комплекса. Особо акцентировалась задача внедрения в производство научных достижений и разработок, однако в актуальной экономической модели принципы административного давления, направленные на ускорение инноваций, с усложнением «народного хозяйства» становились

[6] Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени : документы из личного фонда Н. С. Хрущёва : в 2 т. М. : Международный фонд «Демократия», 2009. Т. 2. С. 376.

всё менее эффективными. Административные рычаги не работали, а попытки использования элементов хозрасчёта входили в острый конфликт с фундаментальными основами советской экономики. Постоянно воспроизводившиеся проблемы в сфере инноваций стали источником постоянного раздражения для власти [5, p. 216]. Причины для этого были очевидны: статистическая эффективность советской экономики в 1950-е гг. варьировала в интервале между 1/3 и 1/2 от США [6, p. 23], что ставило под сомнение стратегические проектировки догнать США по основным экономическим показателям в обозримой перспективе.

Анализ показывает, что границы и характер реорганизаций в науке при Хрущёве ограничивались рамками проводимых экономических реформ и воспроизводили их логику. Научно-техническая политика, по сути, стала одной из частей экономической политики. Соответственно, предполагалось, что ускорения НТП следует добиваться путём совершенствования организации и управления, а также «повышения ответственности» за порученное дело. Акценты расставлялись, главным образом, на наращивании потенциала. В начале 1960-х гг. по своим количественным параметрам наука росла практически по экспоненте, но планы были ещё грандиознее. В период с 1961 по 1980 г. численность научных сотрудников планировалось увеличить в четыре раза, ассигнования на исследования и опытно-конструкторские разработки – в 10 раз, капитальные вложения в сферу науки и научного обслуживания – в 30 раз[7]. Но фактически уже с середины 1960-х гг. темпы роста инвестиций в науку снижались. Если с 1950 по 1965 г. доля расходов на НИОКР в ВВП увеличилась в 2,3 раза, то в последующие 15 лет – лишь в 1,3 раза[8]. При этом проблема эффективности науки, понимание которой постепенно эволюционировало от оценок целесообразности тех или иных работ к оценкам соотношения инвестиций на НИОКР и эффекта от полученных результатов, в годы Хрущёва явно пребывала в тени количественного роста.

Однако амбивалентность научно-технической политики оставалась фактом, и это особенно ярко проявилось на рубеже десятилетий. В организации науки и в деятельности научных учреждений Хрущёва многое раздражало, поскольку ожидания получить быструю отдачу для экономики от инвестиций в науку не оправдывались. Это, прежде всего, относилось к непостижимым для него фундаментальным исследованиям и их «институциональному носителю» – Академии наук, и здесь в полной мере проявилось стремление Хрущёва обеспечить качественные изменения за счёт структурных преобразований. Ещё в мае 1959 г. он предлагал разделить АН СССР на ряд отдельных организаций. Эти планы осуществились лишь частично. На протяжении всех лет у власти критика АН СССР из уст Хрущёва звучала постоянно. В одном из выступлений в октябре 1962 г. он заявил: «Если в этом году академия получила столько-то средств, то на будущий год она непременно просит больше, независимо от того, что она дала государству, народному хозяйству, есть ли

[7] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 603. Л. 24; Д. 612. Л. 277.

[8] Рассчитано по данным: *Варшавский А. Е., Сироткин О. С.* Проблемы российской науки // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М. : Экономика, 1999. С. 350.

рост в науке. И получается, что отдельные институты академии растут только по расходу средств»[9]. На заседании президиума ЦК КПСС в начале 1963 г. Хрущёв подчёркивал: «Институты должны иметь целевое назначение, они должны обслуживать отрасли, а не заниматься просто отвлечёнными проблемами, которые не принесут никакой пользы нашему социалистическому строительству»[10]. При этом он заявлял: «Я – за расцвет науки...» Но тут же уточнял: «...за развитие отраслевых институтов»[11]. Столь явный прагматизм у многих учёных вызывал большую настороженность (см. подробнее: [7, с. 232–258]).

Осознание нарастающего кризиса в экономике всё же привело Хрущёва к пониманию целесообразности консультаций с учёными. Уже в конце своего пребывания у власти, в феврале 1964 г., на пленуме ЦК КПСС он заявил: «...надо иметь какой-то орган, который занимался бы крупными научно-экономическими проблемами. В состав этого органа могут войти учёные, руководители академий наук, государственных комитетов, партийные и хозяйственные работники. Такой орган призван давать анализ научного развития в широком смысле этого слова, следить за тенденциями и направлением наиболее важных областей научных знаний, давать соответствующие аргументированные обозрения научных направлений»[12]. Но развернуть свою деятельность при нём подобная экспертная структура не успела, хотя и была сформирована. Хрущёв создавал вокруг себя и неформальный пул советников по науке и технике, но при этом не стеснялся вторгаться в совершенно незнакомые ему сферы – от генетики и агробиологии до разработки атомного оружия. Например, известно, что он пытался навязать специалистам своё видение перспектив развития различных типов и модификаций ядерного оружия, не обладая никакими компетенциями в этой области[13]. Специалистам неоднократно приходилось убеждать Хрущёва не касаться таких «тонких материй», но он продолжал это делать[14].

Таким образом, в официальной идеологии возвеличивались научные достижения, НТП отводилась решающая роль в развитии производства, а сама наука стала одной из наиболее ярких и востребованных идеологем в арсенале инструментов политической мифологии. Однако на практике отношение к науке как к социальному институту оставалось при Хрущёве весьма неоднозначным. Всячески поддерживались прикладные исследования и зачастую возникали сомнения в целесообразности поддержки фундаментальных работ. Аргументы в их пользу также приходилось искать в прикладной сфере.

---

[9] *Хрущёв Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : [в 8 т.]. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 7. С. 247.

[10] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 676.

[11] *Хрущёв Н. С.* Указ. соч. Т. 7. С. 247.

[12] *Хрущёв Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : [в 8 т.]. М. : Госполитиздат, 1964. Т. 8. С. 458.

[13] См., например: Во главе науки ядерного центра на Урале / авт.-сост. Б. К. Водолага, Н. П. Волошин, В. Н. Кузнецов. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2020. С. 115–116.

[14] «Факты показывают, что есть у нас работники, которые цепляются за старое и не хотят думать о том, чтобы лучше использовать выделяемые средства на оборону и военную технику». См.: № 6. Записка Н. С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС о строительстве стартовых площадок для баллистических ракет. 17 августа 1962 г. // Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Т. 2. С. 672.

Однако наука в военно-промышленном комплексе (ВПК) в целом развивалась более успешно, оставалась иммунной к такого рода сомнениям. Она по-прежнему существовала в собственном закрытом контуре, а также в рамках «оборонной» тематики в учреждениях, формально относившихся к гражданской науке. Удельный вес «оборонной тематики» по затратам на НИОКР точно подсчитать не представляется возможным, но, по экспертным оценкам, он превышал 50%, а по некоторым данным доходил и до 75–80%. Большинство исследователей рассматривают это как «закономерн[ое] следствие избранного политико-экономического курса» [8, с. 125, 130–131]. Научные городки, как открытые для общества, так и закрытые, ставшие одним из маркеров прогресса науки при Хрущёве, также в значительной степени формировались под влиянием военно-стратегических императивов. Они стали «символами холодной войны», обеспечив критически важный вклад в развитие ряда направлений ВПК. Показательным примером этого стало создание СО АН СССР с Академгородком и пояса научных центров вблизи Москвы [9]. Что касается Академии наук в целом, то после избрания в 1961 г. её президентом академика М. В. Келдыша там явно усилилось «оборонное мышление», хотя и ранее АН СССР активно участвовала в решении всех трёх сверхприоритетных задач по созданию ядерного оружия, средств его доставки и наведения, не играя, впрочем, ключевой роли в этих проектах. В милитаризированной отраслевой науке оборонное мышление никогда и никуда и не исчезало. При этом «в ВПК формировалась локальная инновационная система, опирающаяся не только на передовые зарубежные разработки, но и на собственные» [10, с. 82–83], однако технологический трансфер из «оборонки» в «гражданскую» экономику оставался заблокированным.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Смысловой круг идеологем во времена Хрущёва был достаточно ограничен. Все они были подчинены главной коммунистической мифологеме о возможности построения коммунизма в СССР на протяжении жизни одного поколения, определявшей логику политического процесса в стране. Большая часть идеологем имела технократическую направленность и так или иначе апеллировала к науке. В приложении к экономике идеологемы трансформировались в конкретные цифры, при этом возможность достижения запланированных показателей базировалась на сверхоптимистичной экстраполяции текущих позитивных трендов в экономике и надеждах на потенциал НТП. Как показала практика, без радикальных изменений в экономическом механизме всё это оказалось невозможным. Идеологемы, воплощённые в лозунги и призывы, не могли заместить собой конкретные инструменты как в экономике, так и в науке. Проблемы были связаны с неработающими механизмами генерирования и использования инноваций и трансфера технологий, отсутствием материальной заинтересованности субъектов производства в результатах своей деятельности, низким уровнем администрирования и т. д., т. е. носили по своей природе фундаментальный характер.

К середине 1960-х гг. на фоне ощущения того, что прогресс в науке не привёл к адекватному росту уровня жизни, стало проявляться и общественное разочарование в её возможностях. Рушился миф о всемогуществе науки в советском обществе, нарастало недоверие к научной деятельности, и тем самым разрушалась одна из важнейших коммунистических идеологем. Одновременно прекратилось массивное вливание средств в научную сферу, обеспечивавшее стремительный рост количественных параметров научного потенциала. На протяжении некоторого времени увеличение масштабов НИОКР демпфировало проблему эффективности сложившейся системы научной организации. Но после прекращения инвестиций в науку в прежних объёмах всё очевиднее вставал вопрос о постоянном снижении отдачи от таких капиталовложений.

Осознание неудач в реализации социально-экономической политики в институтах власти стало приходить лишь в самом конце пребывания Хрущёва у власти, когда и эффективность экономики, и отдача от инвестиций в науку снизились, а качество экономического управления ухудшилось, вызвав серьёзную дезинтеграцию элит. Трудности и противоречия повседневного быта в сопоставлении с широковещательными декларациями о грядущем «обществе потребления» также оборачивались недовольством. В итоге к середине 1960-х гг. не только для элит, но и для советского общества в целом стала ясна вся утопичность курса на форсированное строительство коммунизма. Стратегия, в которой расчёт замещался громко звучавшими идеологемами об опоре на передовую науку, рухнула под давлением экономических реалий, похоронив под обломками своего главного адепта. Это, конечно, не привело к отказу от доктринальных идеологических установок, но заставило новых руководителей осторожнее относиться к популистским методам и инструментам их использования на практике. Но и на фоне отставки Хрущёва не возникло понимания глубинных причин структурного дисбаланса в советской экономической модели и в организации науки, не были осознаны антиинновационный характер экономики и причины блокировки трансфера технико-технологических решений из относительно благополучного по советским меркам оборонного сектора в гражданскую экономику. Это показал фактический провал «косыгинской» реформы, ставшей, по сути, вторым этапом реформ Хрущёва.

Таким образом, эпоха Хрущёва сначала возвысила науку, обозначив её в качестве ключевого фактора развития экономики и достижения недостижимой цели – строительства коммунизма, и, соответственно, как одну из ключевых идеологем, а также важнейшего инструмента экономической политики. Но недостижимость поставленных мифологических целей вызвала недоверие к науке и разочарование в ней как идеологеме. В свою очередь, экономические неудачи обозначили сомнения в роли науки в качестве драйвера экономического развития. Тезис об опоре на достижения НТП никуда не исчез из советского идеологического арсенала, но повторяющиеся проблемы с запуском механизма инновационного развития всё больше заставляли сомневаться в релевантности экономической и научно-технической политики и инструментов её реализации. Всё это приводило к постепенному снижению имиджа науки в обществе как вида деятельности и инструмента развития. Впоследствии совокупность негативных процессов привела к нарастанию кризиса в науке, который уже

в 1980-е гг. приобрёл системный характер. Путь от романтической эйфории к разочарованию и кризису по историческим меркам оказался совсем недолгим.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Артёмов Е. Т.*, *Водичев Е. Г.* Наука и инновации в советских экономических стратегиях 1930–1960-х гг. // Уральский исторический вестник. 2024. № 4 (85). С. 125–134. DOI 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-125-134. EDN AHSCSL.

2. *Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г.* По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 4, ч. 2. С. 324–347. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347. EDN ETTDAR.

3. *Барсуков Н. А.* Коммунистические иллюзии Хрущёва // Диалог. 1991. № 5. С. 75–83.

4. *Бокарев Ю. П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М. : Наука, 2007. 381 с. ISBN 5-02-035261-6. EDN OIXCOE.

5. *Hewett E. A.* Reforming the Soviet economy: Equality versus efficiency. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1988. xi, 404 p. ISBN 0-8157-3603-7.

6. *Bergson A.* Planning and productivity under Soviet socialism. [Pittsburgh, PA] ; New York ; London : Carnegie-Mellon University ; Columbia University Press, 1968. 96 p.

7. *Артёмов Е. Т., Водичев Е. Г.* Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущёвского десятилетия». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2025. 288 с. ISBN 978-5-7996-4024-8. EDN DISTTY.

8. *Артёмов Е. Т.* Оборонные приоритеты советской научно-технической политики в первое послевоенное время // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 125–134. DOI 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-125-134. EDN QVGWKI.

9. *Долгова Е. А.* Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 235–251. DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.16. EDN WSXYVC.

10. *Калинов В. В.* Достижения и просчёты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 73–87. DOI 10.32362/2500-316X-2018-6-1-73-87. EDN YPKQEG.

REFERENCES

1. Artemov E. T., Vodichev E. G. Science and innovation in the Soviet economic strategies of the 1930s–1960s. *Ural Historical Journal=Uralskiy istoricheskiy vestnik.* 2024;(4):125–134. (In Russ.). DOI 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-125-134.

2. Artemov E. T., Vodichev E. G. According to Stalinist templates: The economic strategy of communist construction in the program settings of the Khrushchev leadership. *Ideas and Ideals=Idei i idealy*. 2021;13(4–2):324–347. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347.

3. Barsukov N. A. Communist illusions of Khrushchev [Kommunisticheskie illyuzii Khrushcheva]. *Dialogue=Dialog.* 1991;(5):75–83. (In Russ.).

4. Bokarev Yu. P. The USSR and the formation of post-industrial society in the West, 1970–1980s [SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody]. Moscow : Nauka; 2007. 381 p. (In Russ.). ISBN 5-02-035261-6.

5. Hewett E. A. Reforming the Soviet economy: Equality versus efficiency. Washington, D.C. : The Brookings Institution; 1988. xi, 404 p. ISBN 0-8157-3603-7.

6. Bergson A. Planning and productivity under Soviet socialism. [Pittsburgh, PA] ; New York ; London : Carnegie-Mellon University ; Columbia University Press; 1968. 96 p.

7. Artemov E. T., Vodichev E. G. The failed acceleration: The economic strategy of the “Khrushchev decade” [Nesostoiavsheesia uskorenie: Ekonomicheskaia strategiia “Khrushchevskogo desiatiletiia”]. Yekaterinburg : Ural University Press; 2025. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-4024-8.

8. Artemov E. T. Defense priorities of the Soviet science and technology policy in the first post-war years. *Ural Historical Journal=Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2021;(4):125–134. (In Russ.). DOI 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-125-134.

9. Dolgova E. A. Moscow belt of Soviet science cities: Design and organization of the area. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):235–251. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.16.

10. Kalinov V. V. The achievements and failures of the state scientific and technical policy of the USSR in the postwar period. *Russian Technological Journal*. 2018;6(1):73–87. (In Russ.). DOI 10.32362/2500-316X-2018-6-1-73-87.

Поступила в редакцию / Received 17.12.2025.
Одобрена после рецензирования / Revised 12.02.2026.
Принята к публикации / Accepted 22.05.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Водичев Евгений Григорьевич *vodichev@mail.ru*

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск; профессор кафедры отечественной истории, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

SPIN-код: 2583-8827

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny G. Vodichev *vodichev@mail.ru*

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk; Professor, Department of Russian History, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ORCID: 0000-0001-8266-1723

Scopus Author ID: 57207306604

Web of Science ResearcherID: HCH-5782-2022